

Да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ
РОЗН. ПРОДАЖѢ 45 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 50 К.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 30

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

АВГУСТЪ

ТО ЖЕ БЕЗКРОВНОЕ.

„По свѣдѣнїямъ изъ Германїи — тамъ
возможна политическая революція“.

(Изъ недавнихъ №№ газетъ.)

Рис. Ре-ми.

Государственный переворотъ въ Германїи.

Рис. Б. Антоновскаго.

Марсельеза: — Что? Вылетать изъ такихъ ртовъ?... Нѣтъ, нѣтъ, лучше скорѣе на родину — во Францію...

ПАНИКА.

I.

Бѣгутъ, ревуть стада бараны:
«Спасайтесь, гибнемъ: смерчъ! гроза!»
И гнутся ножки тараканы,
И лѣзутъ изъ орбитъ глаза.
Какъ рой прожорливаго гада,
На нивы посланный судьбой,
Летитъ трепещущее стадо,
Все истребляя за собой.
Вкругъ — тишь. Все спитъ. Мертво и глухо.
Гдѣ смерчъ? Гдѣ гибель? Гдѣ гроза?—
Но слышитъ грохотъ грома ухо!
Но видятъ молніи глаза.
И вотъ, въ панической тревогѣ,
Другъ друга бѣшено душа,
Несется съ ревомъ по дорогѣ
Тысчеловая душа!

II.

Глаза у паники, что блюда;
Какъ ядра, ночи мглу сверлятъ.
Сердца рабовъ ея не бьются —
Нещаднымъ полымемъ горятъ!
Тупѣетъ умъ въ звѣриной тушѣ,
На крыльяхъ мысли гнетъ оковы,
И гуттаперчевыя уши
Растутъ до самыхъ облаковъ!

III.

... Плачь, стоны, скрежетъ, ревъ, проклятья,
Лязгъ стали, всхлипы, хрусть костей...
Лавина катится въ объятя
Сокрытыхъ мглою пропастей.
А вслѣдъ, оружіемъ блистая,

Съ побѣднымъ торжествомъ въ очахъ,
Отсталыхъ рѣжетъ вражья стая,
Повиснувши на ихъ плечахъ.
Очнитесь!.. Стойте!.. Ради Бога!
Назадъ: васъ — больше!.. Но... увы:
Оружіемъ устлана дорога,
И въ зайцевъ превратились львы!
Какъ рой прожорливаго гада,
На нивы посланный судьбой,
Несется блеющее стадо,
Все истребляя предъ собой

Василій Князевъ.

КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ.

Фельетонъ Арк. Бухова.

Контръ-революціей называется такое состояніе общества, когда оно хочетъ демократическую республику съ неограниченнымъ монархомъ, выборную милицію съ несмѣняемымъ околоточнымъ надзирателемъ и полное осуществленіе гражданскихъ свободъ въ другомъ государствѣ.

Въ самомъ началѣ ея возникновенія, контръ-революцію прослѣдить очень трудно.

Многіе за нее принимаютъ, напримѣръ, протестъ противъ еженедѣльной стрѣльбы, по воскресеньямъ, двенадцатымъ праздникамъ, а также по буднямъ на улицахъ города въ зазѣвавшихся пѣшеходовъ.

— Ага, запротестовали... Не нравится...

— Представьте себѣ — нѣтъ... — открыто сознаются протестующіе.

— Ну, конечно... Если бы полицейскіе стрѣляли, такъ это бы для васъ только семейный праздникъ...

— И это не нравится. Вообще стрѣлять не надо. Это тамъ за городомъ, изъ монте-кристо, холостыми зарядами, въ землю...

— Въ помѣщичью?

— Это все равно. Можно въ общественную. Крестьянская есть — и въ нее можно.

— Ну, конечно, конечно... Въ крестьянскую въ упоръ можно стрѣлять, а если буржуишко идетъ, такъ въ него и съ крыши пальнуть нельзя... Ухъ, и сильна же у насъ контръ-революція...

Другіе подходятъ иначе.

— Знаемъ мы этихъ товарищей... Вотъ она гдѣ настоящая контръ-революція. Къ до-петровскимъ временамъ хотите вернуться, чтобы курица три копейки стоила, гусь — гривенникъ...

— А развѣ это плохо?

— А потомъ совсѣмъ къ доисторическимъ временамъ потянуть, чтобы земля у всѣхъ была, да чтобы царей не было... Знаемъ мы это. Вотъ гдѣ она, гидра-то...

Потомъ, когда контръ-революція начинаетъ крѣпнуть, у нея появляются друзья и враги. Друзья это тѣ, кто ея боится, ненавидитъ и трогательно слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ.

— «Извѣстно ли вамъ, — пишутъ эти люди въ газетахъ, — что въ Малой Шуѣ въ ночь на четвертое августа неизвѣстный человекъ сѣлъ около приходской школы, заплакалъ и сказалъ вслухъ: «Ой, чивой-то царя хотца...» — «Извѣстно ли вамъ, что между станціями Хипескино и Разливашки С.-З. ж. д. бывший податной инспекторъ Дихинъ угваривалъ неизвѣстныхъ ему пассажировъ не вѣрить Временному Правительству, ссылаясь на то, что при старомъ режимѣ уже одно сознаніе, что Россія страна монархическая, излечивало ему суставной ревматизмъ во всемъ тѣлѣ, между тѣмъ какъ теперь отъ любой изъ утреннихъ газетъ у него долгія и мучительныя боли въ ногахъ... Извѣстно ли это и предприняты ли какія-нибудь мѣры?»

Враги контръ-революціи, при всей своей любви къ ней и надеждахъ, на нее возлагаемыхъ, стараются ее опозорить, очернить въ глазахъ общества и сознательно отрицать за ней даже право на существованіе.

— Ну и что же тутъ особеннаго? Плакаты съ ними были?

— Были.

— Ну вотъ видите. Плакаты — дѣло революціонное. А если портретъ царя несли, такъ что же тутъ особеннаго. Народъ неграмотный. Пѣли вѣдь?

— Пѣли. Долго пѣли. И все «Боже, царя храни»...

— Развѣ? Здорово... А почему пѣли — другому не выучены. Научите ихъ другому — его пѣть будутъ. Кричали же долой?

— Кричали. Долой, молъ, Временное Правительство! Долой евреевъ...

— Вотъ видите — кричали же... А вы — контръ-революція, да контръ-революція...

Проходитъ еще мѣсяца полтора, и контръ-революція начинаетъ уже напоминать не состояніе, а форму правленія.

Выросшая въ захолустныхъ углахъ, въ поторѣвшихъ участкахъ и на полустанціяхъ провинціальныхъ желѣзныхъ дорогъ, она ведетъ себя безъ малѣйшаго подозрѣнія въ близости къ хорошему тону.

Какъ всякое невоспитанное и дикое существо, она идетъ не къ своимъ непосредственнымъ родственникамъ, а влывается въ стильную кадетскую гостиную.

— А вотъ и я, — подмигивая, говоритъ она. — Здорово?

— Здорово, — соглашаются кадеты, — нужно только шторы опустить. По улицѣ избиратели ходятъ. Еще увидятъ.

— А плевать, — искренно хохочетъ контръ-революція, — все равно меня швейцаръ внизу видѣлъ. Сосѣди, поди, уже знаютъ.

— Ну вотъ видите. Потомъ будутъ говорить, что съ вами спутались...

— А вамъ-то что?

И, съ легкостью веселой рѣзвухи, которая всегда сумѣетъ развлечь несмѣлыхъ холостыхъ мужчинъ, контръ-революція подходитъ къ окну и, высунувшись изъ форточки, хриплымъ голосомъ рывкаетъ на всю улицу:

— А министр-то Черновъ — того... Пол-шпіена въ емъ...

— Отведите эту дѣвушку отъ окна, — въ положеніи, близкомъ къ истерикѣ, шепчетъ хозяинъ дома, — она портитъ мнѣ репутацію. Нельзя же такъ сразу...

— А кто сказалъ-то? — раздается съ улицы.

— Намъ-то? — заливается контръ-революція, — намъ-

то одинъ старый охранникъ поразсказалъ. Очень интересный мужчина...

Послѣ этого въ совѣднихъ домахъ, гдѣ по кадетамъ часы ставили и по нимъ же молчали, раздаются веселые голоса.

— Бра-а-а-тцы... Отпущеніе пришло... Кадеты-то уже снюхались съ этой самой... Теперь и намъ можно... Эхъ ты, ходи весело, отдирай — примерзло...

Въ редакціонныхъ фіалахъ, гдѣ еще недавно робко плескались слезы гражданской скорби, появляется политура, вмѣсто струнъ души звучитъ трехрядная гармошка.

— Эхъ, лупи со всѣхъ сторонъ! Братцы! Горькій-отъ шпіень!

— Для-ча улица молчитъ: Эрдели-то вѣдь убить...

Въ каждой редакціи — веселье, коньякъ, тиражъ и Бурцевъ.

Самый маленькій репортеръ, которому позволялось не годовать только на дежурнаго милиціонера, уже по двугривенному за строчку, требуетъ перевыборовъ Исполнительнаго Комитета и требуетъ отъ Керенскаго всей полноты власти:

— Очень даже антиресуюсь, почему господинъ Макдональдъ не арестованъ. Выписать изъ Англии и арестовать.

А контръ-революціонное подмастерье уже ходитъ по улицамъ и работаетъ по-штучно.

— Брусиловъ-то, Брусиловъ-то...

— Ну что — Брусиловъ?

— Да ничего. Не будь бы Совѣтовъ...

— А при чемъ Совѣты?

— Да я что же... Глядишь, и хлѣбушко-то быть бы...

— Да былъ бы... Третьяго дни одинъ человекъ съ голоду померъ...

— На нѣмецкія деньги и умеръ. Знаемъ мы ихнего брата, либерала... Не подмажешь — не поѣдешь.

А ужъ тоскующая лирическая російская душа раскрывается за вечернимъ чаемъ.

УСПОКОЕНІЕ НА МАЛОМЪ.

Рис. В. Лебедева.

— И что это право у насъ — правительство временное, законы временные, все временное...

— И не говорите, только одна война постоянная.

Гос. Дума: — Вѣки подымите мнѣ, вѣки... Впрочемъ, не надо. Я уже присмотрѣлся, откуда начинать борьбу съ революціей...

— А помнишь, Нюта, какъ бывало раньше — на столѣ булочки, вареньице, конфеточки...

— И зачѣмъ все это сдѣлали... Сидѣли бы спокойно, а со временемъ, когда можно было бы...

— Виновать, вотъ вы говорите — булочки... А почему я, если я университетъ кончилъ — такъ почему же меня нѣтъ въ Совѣтѣ Депутатовъ и вообще, а каменноугольный рабочій, текстильной промышленности — сидитъ тамъ? Виновать, почему?

— А это порядки: вхожу я сегодня въ мясную...

И какъ гигантскій клубокъ разворачивается контръ-революція, и длинныя, холодныя, скользкія нити начинаютъ заползать въ каждую душу. И хочется рѣзать ихъ, рвать, грызть, чтобы не переплетались онѣ въ такую же холодную, но уже тяжелую, шаршавую веревку на шеѣ...

Арк. Буховъ.

С Л О В А.

I.

Быть ли стойкими намъ, быть ли шаткими?
И трудна ли задача предъ нами?
Много странъ закидали мы — шапками,
Нынѣ Русь закидаемъ — словами!

II.

Яко агнецъ на закланье,
Въ семь иду на совѣщанье,
И сижу до девяти.
Въ девять новое собранье,
Развѣ можно не пойти?
И идутъ, идутъ недѣли
Въ разговорахъ, а не въ дѣлѣ.
Въ воскресенье — совѣтъ,
Въ понедѣльникъ — комитетъ,
А во вторникъ — пять комиссій,
Въ среду — рядъ серьезныхъ миссій.
Къ засѣданію въ четвергъ
(Ни одной я не отвергъ),
Въ остальные дни все то же,
Все — похоже.
Яко агнецъ на закланье,
Вновь иду на совѣщанье,
Молча слушаю докладъ,
Возражаю, дополняю,
Постатейно расчленяю:
Шагъ впередъ и шагъ назадъ.
Всѣ формальности цѣня,
Обсуждаю и по формѣ,
Примѣнительно къ платформѣ,

Говорю къ порядку дня,
 Дебатирую,
 Резюмирую,
 Аплодирую,
 Говорю, говорю, говорю...
 А когда на зарѣ возвращаюсь домой, —
 Какъ шальной
 Въ заалѣвшее небо смотрю,
 И привѣтствую солнце всходящее,
 Настоящее,
 А не то, о которомъ вѣщаютъ политики...

САМОСУДЪ.

Расхотились и злобно грозили...
 Проклинали кого-то солдаты...
 Были мысли растоптаны, смяты
 Тяжкимъ гнетомъ слѣпого насилья.
 Колкій дождь моросилъ еле-еле,
 Ночь рождалась зловѣще-понятна,
 И ревниво кровавыя пятна
 Закрывала на влажной панели.

Юрій Зубовскій.

Ж Д Е Т Ъ.

(Жабросокъ съ натуры.)

Рис. Н. Радлова.

1914 г.

1915 г.

1916 г.

1917 г.

МОНОЛОГЪ.

Я совершенно спокоенъ.

Ничто не возмущаетъ, не тревожитъ и не волнуетъ меня.

Въ этомъ спокойствіи есть что-то глубокомысленное. Я все принимаю: отступленіе, развалъ арміи, распадненіе страны голодъ и одичаніе. Читая о фактахъ, изъ которыхъ, въ старое время, довольно было бы одного, чтобы я залепеталъ коснѣющимъ языкомъ: «Спасите!», остаюсь я теперь опредѣленно невозмутимъ и, даже веселье желудкомъ. Я научился жить безъ молока, чая, сахара, хлѣба, масла и мяса.

Я думаю, что такое состояніе объясняется заложенной во мнѣ интуитивной государственной мудростью.

Не менѣе того, чувствую я себя посаженнымъ на прочный, удобный стулъ, театральнымъ зрителемъ. Я развлекаюсь, дѣлаю критическія замѣчанія, похлываю и похлопываю.

— Bravo, Чхеидзе!

— Ура, Керенскій!

— Слушай... Керенскій! Шура! Ты, братъ, этого...

Говори лицомъ къ публикѣ.

— Корниловъ сегодня недурень.

— Долой Коллонтай! Плохо пляшетъ.

— Капельдинеръ! Дайте другой бинокль. Въ этотъ, что вы дали, совершенно немисливо разсмотрѣть, что тамъ, на фронтѣ. Какіе-то стада, пыль... толпы... Кто виноватъ? Мейерхольдъ или Вильгельмъ?

— Режиссура неудовлетворительна.

— Восхитительно; пляска калѣкъ!

— Однообразна немного музыка — все, этого, военные марши.

Итакъ, я спокоенъ. Даже мое пищевареніе улучшилось. Еще немного мучаютъ почки, но я увѣренъ, что, ежели земной шаръ упадетъ на Юпитеръ, солнце погаснетъ, а Млечный Путь разорвется на миллионы обломковъ, то я перестану мучиться и почками.

Вотъ я какой. Да-съ. А вы говорите... А вы говорите, что я богоносецъ. Чего дразнитесь?!

Въ издаваемыхъ мною на-дняхъ мемуарахъ, я сообщаю вамъ секретъ моего спокойствія.

Пока лишь намекну, намекну толсто:

— Смотрите на себя исключительно съ высоты птичьяго дуазо. Обозрите сію величественную махину съ высоты дуазо собственнаго.

Меня зовутъ Пупочкинъ.

А. С. Гринъ.

О Т Б О Й.

— Слышали, въ Китаѣ возстанавливается монархія!

— Ахъ, Боже мой, не поѣхать ли намъ туда?

(Изъ обывательскихъ разговоровъ.)

Сколько грома, суеты и писку!

Тѣ впередъ, а тѣ стремятся вспять,

И спѣшать пучками, какъ редиску,

Свѣжія газеты покупать.

Нѣтъ, довольно! Не хватаешь мочи...

Вижу, вижу — мой чередъ насталъ,

Отъ крестьянъ, солдатъ и отъ рабочихъ

Я... ну просто, видишь ли, усталъ.

Прочь, — газеты, недруги и братья!

Ахъ, найти бы тихій уголокъ...

Завалюсь-ка дома на кровать я,

И займусь плеваньемъ въ потолокъ.

Ничего не слыша, не читая,

Я отдамся нѣгѣ и мечтамъ,

И въ мечтахъ дойду я до... Китая

И усталый отдохну я тамъ.

Но прельщаютъ сердце мнѣ не гейши,

Не чадныя грезы гашиша;

Я, ей-Богу, человекъ скромнѣйшій,

По натурѣ трезвая душа.

О Китаѣ сердце сладко грезитъ

Оттого, что, взявши ятаганъ,

Тамъ упорно, тамъ безспорно лѣзетъ

На престолъ какой-то Ху-Ли-Ганъ.

Альми.

УМИРАЮЩАЯ МАРУСЯ.

Маруся долго обдумывала всѣ за и противъ и въ концѣ концовъ твердо рѣшила умереть... Умереть, непременно умереть...

Что дѣлать... Другого исхода нѣтъ. Она слишкомъ честна и даже если бы весь городъ сталъ передъ ней на колѣни и упрашивалъ сдѣлаться республиканкой... нѣтъ, какъ это, — республикистк... республиканш... ну, словомъ тотъ, кто желаетъ республики, и тогда Маруся только грустно улыбнулась бы и сказала бы:

— Нѣтъ... Лучше умереть!..

И Маруся жадно ищетъ смерти.

Такъ, вотъ, ходитъ и ищетъ:

— Нельзя ли умереть?

Увидитъ Маруся десятокъ большевиковъ, — лица у всѣхъ красныя, потныя, глаза горятъ, — подойдетъ, подумаетъ:

— Вотъ моя смерть!

И пискнетъ:

— Да здравствуетъ наступленіе!

Ручки молитвенно сложитъ и ждетъ смерти. Вонъ, вонъ большевикъ замахнулся!

Сейчасъ ударить! И выйдетъ по газетному:

— Петроградъ. Отъ собственнаго корреспондента. Новая жертва безчинства, Маруся Пряникова...

Но, нѣтъ... Опустилась грозная большевистская рука и убила муху на затылкѣ сосѣда.

— Чивой-то барышня-буржуйка пицить?

Рада Маруся... Вотъ онъ, поводъ!

— Да! Я этого не скрываю! Я буржуйка!

А глаза, большіе черные глаза говорятъ:

— Убей меня! Я такъ хочу быть жертвой революціи! У меня даже платье готово, я такая красивая буду лежать!

А большевикъ, это грубое созданіе въ отвѣтъ:

— Ну, буржуйка, по буржуйной дорожкѣ попляши на одной ножкѣ.

Какая глупая острота и какъ подлю смѣются товарищи остряка...

Уходитъ Маруся, ищетъ въ другомъ мѣстѣ смерти.

Навстрѣчу рабочіе. У, у, ухъ, какіе страшные! Всѣ въ синихъ рубашкахъ, въ рукахъ мѣшочки, обязательно съ пи... пе... перокси... пир... ксил... керосиновыми шапками. Жутко Марусѣ...

— Да здравствуетъ...

Маруся споткнулась. Сколько часовой день? Ну-ка, сколько часовъ надо выкрикнуть, чтобы рабочіе убили ее?

— Да здравствуетъ сточасовой рабочей день! Да здравствуетъ капиталъ!

Сейчасъ! Сейчасъ!

Маруся закрыла маленькими ручками лицо и ждетъ...

Все тихо... Только слышны удаляющіеся шаги рабочихъ, да здоровый, добродушный смѣхъ... Боже мой, на что Марусѣ смѣхъ... Смѣхомъ не убьешь...

— Я знаю, знаю отчего все это... Убиваютъ только ораторовъ, которые говорятъ съ бочки... Боже, Боже, я готова забраться даже на бочку, но развѣ я виновата, что сколько ни иду, ни одной бочки не попалось навстрѣчу.

Идетъ Маруся... Страшно устала, а все-таки идетъ. Поровнялась съ ротой солдатъ. Собрала всѣ силы и крикнула:

— Да здравствуетъ старый режимъ!

Что это? Къ Марусѣ идетъ бородатый солдатъ. Идетъ, идетъ!

— Ты чево, дѣвочка?

Маруся призываетъ на помощь всю энергію.

— Да здравствуетъ старый режимъ!

Солдатъ улыбнулся во весь ротъ.

— Ды ну? Ахъ, ты, дѣвочка, дѣвочка пучеглазая... Агитательша... Какъ же ты на мою дочку похожа... На деревнѣ она... Такая же какъ ты... курносая и глу-у-у-упая, глупая... Ахъ ты, дѣвочка, дѣвочка...

Махнулъ рукой, точно отогналъ пріятное воспоминаніе и пошелъ догонять товарищей.

Маруся осталась одна.

Теперь она знаетъ, что дѣлать:

— Пойду въ кондитерскую, куплю три порціи мороженого, съѣмъ, простужусь и умру. Пусть, думаютъ, что я отъ революціи умерла!

Евграфъ Дольскій.

КОШМАРЪ.

Ночами бредово-больными
Онъ торжествуетъ надо мной,
Раздувъ животъ, развѣсивъ вымя,
Качая красной головой.

Кошмаръ уродливый и дикій
Изъ крови, гноя и блевотъ.
Хочу кричать. Но глухнутъ крики,
Его ладонь зажала ротъ.

Мечусь подъ липнувшей ладонью,
Кидаю въ тьму звѣриный вой,
Кровавый тутъ, онъ дышитъ вонью,
Гнусавитъ мнѣ: «Ты мой, ты мой...»

Я, жалкій червь, покорный року,
Дрожа, безпомощно поникъ.
И вотъ другой безмолвно сбоку
Встаетъ. Ужасенъ мертвый ликъ.

Поднявъ истрепанное знамя,
Неистлѣвающій мертвецъ
Глядитъ пустынными очами,
И на чель его вѣнецъ...

Дмитрій Цензоръ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Семенахины.

Каждая политическая программа хоть какую-нибудь деталь да оставляетъ неясной — и единственная программа ясна до истерики — это политическія надежды и предположенія „Народной Газеты“.

„Спасеніе Россіи — высшій законъ потому боевымъ топоромъ такъ топоромъ, динамитомъ такъ динамитомъ, но — съ петель всѣ ворота, когда Россія идетъ дать отпоръ врагу на своихъ границахъ!“

На Керенскаго эта газета довольно хмуро покривается:

Пусть, гдѣ хочетъ, а достаеъ настоящихъ машинистовъ на паровозъ Россіи.

Иначе очень скоро придется съ фронта послать двадцать дивизій по Россіи для того, чтобы приказы правительства исполнялись какъ должно.

И мы вполне понимаемъ газету и населяющихъ ее сельчаковъ съ перевязанными челюстями. Ей нужно диктатора — а то что, право, за жизнь: ни тебѣ топора, ни тебѣ динамита...

И газетѣ рисуется „другой, еще невѣдомый избранникъ“:

Возьмемъ братцы Пантелѣя Семенахина, пріятеля Евстахины... Парень съ головой, бывший городской, рука—во! Со лукошко рождество!... А ежели по мордѣ вдарить, али нагайкой ошпарить, — успокоишься, а то другой удостоишься...

Смотрить, что бухарскій губернаторъ... Вотъ это, братцы, диктаторъ!...

Братцы!.. Вѣрное слово Евстахино: выбирайте въ диктаторы Семенахина... Золото, а не человѣкъ, Ей-Богу...

Лучшаго диктатора, конечно, трудно и представить: рука—во, самъ бывший городской, а ужъ какъ по мордѣ вдарить...

Да здравствуетъ Пантелей Семенахинъ!.. Если бы былъ живъ Левъ Толстой и прочелъ хоть одинъ № „Нар. Газеты“ (если бы близкіе не досмотрѣли), онъ навѣрное бы написалъ: — „Много ли человѣку городского надо“.

8-часовой рабочей день Пуришкевича.

Если общественныя зданія и теряютъ сейчасъ среди общей халатности отъ запустѣнія и нерадѣнія, то общественные дѣятели начинаютъ спѣшно реставрироваться и приобрѣтать прежній видъ и лоскъ. Успѣшнѣ всего эта реставрація удаеся Пуришкевичу. Правда, его теперешняя политическая позиція не позволяетъ ему кричать Милюкову „Павлушка — мѣдный лобъ“, но зато линия его поведенія сильно смахиваетъ на то, чѣмъ онъ втихомолку занимался въ доброе старое время.

И. К. Совѣта получилъ сообщеніе о томъ, что на-дняхъ посѣтитъ Стокгольмъ и Копенгагенъ представитель отряда В. М. Пуришкевича нѣкто С. Лазовертъ, который заявилъ, что онъ пріѣхалъ въ Скандинавію съ особымъ порученіемъ „секретнаго свойства“ отъ Пуришкевича.

Посоль предсѣдателя союза Михаила Архангела заявлялъ въ бесѣдахъ съ русскими, что его поѣздка находится въ связѣ съ намѣреніемъ Пуришкевича произвести новый переворотъ въ цѣляхъ устраненія „Совѣта Рабочихъ и собачьихъ депутатовъ“ и возстановленія „законнаго строя“.

Лазовертъ утверждалъ, что онъ выѣхалъ за границу съ дипломатическимъ паспортомъ и былъ принятъ нашими посланниками въ Стокгольмъ и Копенгагенъ.

Если г. Лазовертъ былъ дѣйствительно делегированъ Пуришкевичемъ — онъ даже собачьимъ депутатомъ не смѣлъ себя назвать.

Много хуже.

Для памяти.

„Новая Жизнь“ сообщаетъ, что на Золотыхъ Рудникахъ инженера Некрасова, въ Ачинскомъ уѣздѣ, рабочіе потребовали ежемѣсячную заработную плату, которая

ЭКОНОМІЯ ВРЕМЕНИ.

Рис. Б. Антоновскаго.

— И каждый свою судьбу, тетенька, имѣетъ. Митька-то нашъ въ добровольцы пошелъ, а я сразу ужъ, въ дезертиры иду... Потому время теперь дорогое, и терять его нечего...

СМЕРТЬ И ЕЯ ПРОИЗВОДСТВО.

(Научная.)

Рис. В. Лебедева.

Смерть официальная.

Насильственная.

Самосудь.

„Народъ — это большой ребенокъ и долгъ интеллигенціи вынянчить этого ребенка“.

(Изъ рѣчей на митингахъ).

превышаетъ всю стоимость мѣсячной добычи золота. Въ заключеніе рабочіе самовольно захватили рудникъ инженера Некрасова.

А въ одномъ изъ приказовъ генераль Корниловъ упоминаетъ о такомъ обстоятельстве:

„Кромѣ того, я указалъ, что офицеры представляютъ собой въ настоящее время единственную во всей странѣ корпорацію, которая, сознавая тяжесть финансоваго положенія родины, до сихъ поръ не предъявила экономическихъ требованій, и что правительству ни въ коемъ случаѣ не надлежитъ пользоваться благородствомъ цѣлаго класса народонаселенія и на этомъ благородствѣ строить экономію. Я поэтому предложилъ обезпечить семьи офицеровъ, а равно погибшихъ героевъ гообразно со все возрастающей дороговизной“.

Если кто-нибудь догадается, кто изъ этихъ двухъ обще-

ственныхъ группъ поступаетъ приличнѣе, пусть объ этомъ рассказываютъ тѣмъ, кто не можетъ догадаться. Мы - то знаемъ.

Послѣдній крикъ сезона.

Оказывается, что вмѣсто закрытой „Окопной Правды“ вышла газета „Окопный Набатъ“.

Утѣшеніемъ настоящій фактъ служить не можетъ.

Въ мірѣ животныхъ.

Одинъ неосторожный человекъ, котораго переѣхало автомобилемъ, озадаченно сказалъ:

— Представьте... Три дня тому назад я этому бы не повѣрилъ...

Три года тому назад и мы не повѣрили бы одной замѣткѣ изъ газетъ:

Изголодавшійся на пайкахъ петроградскій обыватель пускается въ хитрость:

— Не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Какъ-нибудь да надо питаться.

Въ Зоологическомъ саду, оказывается, смѣкалистому человѣку покормиться можно. Тамъ кой-когда продаютъ пайки хлѣбные и мясные. Сердобольные люди кормили этими пайками звѣрей.

Теперь весь фокусъ „кормежки звѣрей“ упростился. Умный человѣкъ покупаетъ паекъ, кладетъ его тихонько въ карманъ и тихонько же уходитъ изъ сада. Дома улыбается и... ѣсть звѣриный паекъ.

Дешево и сердито!

Безо всякихъ хвостовъ и карточекъ.

Если преслѣдовать исключительно одинъ принципъ — безъ хвостовъ и безъ карточекъ, еще съ большимъ успѣхомъ можно украсть кусокъ мяса у своей кошки и еще хвалиться передъ знакомыми:

— Мнѣ, знаете, везетъ... Знакомства, связи... Ни въ чемъ недостатка не вижу...

Ходъ съ пикъ.

Кратко и ясно, больше, чѣмъ этого даже хотѣлось самому автору.

Начальникъ одного изъ корпусовъ особой телефонограммой 7 июля въ 16 час. 5 м. приказалъ: убрать изъ караульныхъ командъ, охраняющихъ вообще всѣ склады огнестрѣльныхъ припасовъ, евреевъ и уроженцевъ губерній, занятыхъ противникомъ, замѣнивъ ихъ людьми благонадежными.

Такимъ образомъ, официальная бумага (телефонограмма за № 6511/0), причисляетъ огульно всѣхъ евреевъ-солдатъ къ элементамъ неблагонадежнымъ.

Контръ-революціи давно уже пора сказать и свою историческую фразу:

— Все потеряно, кромѣ евреевъ.
И это не надолго. Не сезонный товаръ-съ. Не тѣмъ подторговываете.

ПОХОРОНЫ.

Получше фирмы первоклассной —
«Быстровыхъ сына и отца»,
Хоронить улица согласно
Бунтарству вѣрныя сердца.

Ступайте къ нимъ, на перекрестки,
Тамъ злость отходную поетъ...
Крутыя бабищи, подростки...
Столицы плѣсень и пометъ.

Тамъ, въ пробѣ запаянный исправно,
Давно упрятали страну.
Тамъ не тоскуетъ Ярославна —
Тамъ воетъ свора на луну.

Ату ее, гони свободу,
Могильщикъ-деспотъ, поспѣши,
И стаѣ вороновъ въ угоду,
Души проклятую, души...

Ханжа столикій ждетъ чего-то,
И на могилу льетъ слезу.
Я вижу ликъ Искаріота
Съ бѣльмомъ на скошенномъ глазу...

Александръ Флитъ.

КЛИНЪ КЛИНОМЪ.

„Штюрмеръ попросилъ себѣ въ тюрьму сводъ законовъ“.

(Изъ газетъ.)

Рис. В. Лебедева.

Штюрмеръ: — Спасибо, голубчикъ. Попробую, нельзя ли однимъ сводомъ избавиться отъ другихъ сводовъ...

ПОЧЕМУ УЦѢЛѢЛО СТЕКЛО.

(Контр-революціонный эскиз.)

Я остановился у огромной витрины фруктово-гастрономического магазина и равнодушно разсматривалъ яства, разложенныя за стекломъ.

Янтарный балыкъ; розовая семга; жирные, буржуазные сиги и угри; зернистая икра, гдѣ каждая икринка дышитъ; миллионъ деликатнѣйшихъ консервовъ и фрукты; фрукты... Арбузъ, разсѣченный пополамъ, пылаетъ какъ угли костра; а дыни, привезенныя съ востока, также нѣжны и сладострастны, какъ и восточныя женщины; розовые персики, покрытые пушкомъ, похожи на щечки юной нѣмки; крупныя, сочныя сливы; раннія яблоки и груши; виноградъ...

Но я сытъ. Я пообѣдалъ въ вегетарианской столовой за два съ полтиной. И разсматриваю витрину такъ же равнодушно, какъ пресыщенный любовью разсматриваетъ купальщица. Меня просто забавляетъ сочетаніе красокъ и... цѣнъ.

Подошелъ какой-то организмъ. Онъ высморкался въ пальцы и захрипѣлъ:

— Ишь, что трескаютъ проклятые буржуи! Намъ три четвертушки глины въ день, а сами икры жрутъ. Вотъ высажу сейчасъ стекло, да растопчу все къ... — онъ выругался и сочно сплюнулъ.

— Опасно все это ѣсть, — сказала я кротко.

— Чего опасно? — покосился онъ на меня.

— Жарко. Въ рыбѣ рыбій ядъ, а фрукты вообще лѣтомъ лучше избѣгать. А затѣмъ... Вы не работали на рыбныхъ промыслахъ?

— Была охота...

— Тамъ этой икры, какъ навозу. Распорютъ брюхо живому осетру, а въ немъ икра, какъ черви, копошится... И никто не ѣсть, противно. Это ее здѣсь подстригли, подмолодили, посадили въ жестянку, ну, будто и соблазнительно, а на Волгѣ отворачиваются всѣ.

— Скажи пожалуста...

— А въ Ташкентѣ были?

— Не... — отвѣтилъ онъ виноватымъ тономъ.

— Оттуда же вывозятъ всю эту дрянь: дыни, персики.

Тамъ они валяются, гниютъ на улицахъ. Свины не ѣдятъ. А цѣна — одинъ смѣхъ. Дыня — двѣ копейки, а персиковъ на копейку два десятка. Я прожилъ въ Ташкентѣ пять лѣтъ, осточертѣло мнѣ все это. Если вамъ нравится, поѣзжайте въ Ташкентъ.

— Не поѣду. Мнѣ и тутъ хорошо. Сейчасъ курицу слопать...

— Да? А я ѣлъ гороховый супъ, перловую кашу и кисель изъ ревеня.

Онъ засмѣялся.

— Не густо.

— Нѣтъ, ничего. Я вегетарианецъ.

— Это народъ такой?

— Да, въ родѣ.

— Такъ... Ну, бувайте здоровы!

— И вамъ того же!

Онъ ушелъ. А я вздохнулъ съ облегченіемъ и подумалъ:

— Я не демагогъ и стекло уцѣлѣло. А сколько людей, которые на моемъ мѣстѣ произнесли бы зажигательныя рѣчи противъ пожирающихъ икру буржуевъ.

Я еще разъ взглянулъ на витрину. Стекло было совершенно цѣло.

Довольный собой, я улыбнулся буржуазной блондинкѣ и контр-революціонно продолжалъ прогулку.

Красная Борода.

КОШМАРЪ.

При обыскѣ въ редакціи „Правды“ было найдено письмо на нѣмецкомъ языкѣ, въ которомъ какой-то „баронъ изъ Гапаранды“ привѣтствовалъ большевиковъ въ связи съ послѣдними кровавыми событіями.

(Изъ газетъ.)

Въ оконномъ глянци свѣтъ зловѣщій,
Дрожа прерывистой зарницей,
Искровянилъ полы и вещи,
Безкровныя изранилъ лица,

И, запаливъ кресты на храмѣ,
По куполамъ расплылся, жижей...

Надъ вымершими вдругъ дворами
Плащъ черныхъ тучъ спускался ниже;

Но ужасъ стихъ, какъ стала ясной

Вся неуклонность дикой силы,

Что и борьба, и страсть напрасны,

Какъ крикъ надъ каменной могилой...

И вотъ, дождались: въ сорной пыли,

Съ заброшенныхъ взметенной улицъ,

Зафыркали автомобили,

И толпы черни потянулись;

Шли, какъ во снѣ, и были глухи

Въ самоуглубленномъ угарѣ;

За ними вслѣдъ свивались слухи,

Шныряющія морща хари;

Отъ словъ переходили къ дракѣ...

Быль крикъ, что кто-то ужъ развѣнчанъ;

Опять штыки, опять казаки, —

Стрѣльба, и кровь, и трупы женщинъ.

Когда же ядоносный запахъ

Всѣ уголки и щели залить, —

И каждый былъ у смерти въ лапахъ, —

Тамъ, на крови, въ багровой дали, —

Надъ улицей, гдѣ длились муки,

И бѣшенныя выли банды, —

Мохнатая простерлись руки,

Возсталъ «баронъ изъ Гапаранды»...

А. Дэви.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Толково написанная жалоба — половина успѣха.

Въ видѣ доказательства этой аксіомы, печатаемъ присланную намъ жалобу нѣкоей гражданки Санниковой, записанную 27 мая сего года въ жалобную книгу станціи Воронежъ Ю. В. ж. д.:

„Я просила билетъ до Воронежа 48 коп. даю рубль получаю 4 коп. задачи протестую начальнику станціи Масловка который давалъ билетъ и онъ начинаетъ меня пушить всячески такъ какъ у меня раньше были съ нимъ обостренныя отношенія по случаю жалобной книги послѣ же онъ далъ мнѣ задачу которую видѣлъ и слышалъ всю процедуру Тарасовъ я получаю добавокъ задачи и прошу дать жалобную книгу онъ меня начинаетъ оскарблять подходит дежурный по станціи 27 мая что ей отъ насъ надо уже надоѣла третій разъ скандалъ устраиваетъ и вызываетъ трехъ милиціонеровъ, а что они милиція помогли ничего и если это неправда должны арестовать а не путемъ пугать что третій звонокъ на что я ему начала отвѣчать хотя пусть 33-й и это уже второй у меня случай съ нимъ 22 мая я подаю телеграмму тому же дежурному онъ мнѣ отвѣчаетъ, что я такихъ телеграммъ не принимаю надо для этого фактическое доказательство а я ему сказала, что каждый со всякими я немогу обьясниться и прошу книгу жалобы онъ сказалъ, что книга у начальника станціи свидѣтеля сторожа дежурнаго прошу книгу напалъ онъ начинаетъ оскарблять всяческими неприличными словами во всей конторѣ этого же числа въ 10—11 часовъ дня я по ошибкѣ обливаю керосиномъ не ту дѣвицу которая хотѣла въ залъ 1-го класса поднимается крикъ начальникъ же какъ хозяинъ станціи распорядился выбросить вонъ изъ железнодорожныхъ предѣловъ тогда беретъ дорожный мастеръ и толкаетъ почему зря нанесъ мнѣ убытки о чемъ имѣю протоколъ и медецинское свидѣтельство которое съ протоколомъ у коменданта Тутъ выступили граждане и отняли предложили такія чтобы я выступила на трибуну и просила прощеніе у пострадавшей и уплатила 100 рублей на платѣе я все здѣлала, теперь и я желаю чтобы онъ выступилъ на трибуну просилъ прощеніе за всѣ оскорбленія и уплатилъ мнѣ убытокъ по протоколу 25 милиціонная комната Вор. 161 руб. 20 копеекъ что у васъ за порядки на дорогѣ Санникова“.

На особую нервозность провинціальной Россіи, указываетъ хотябы этотъ безпричинный крикъ по поводу ошибочной поливки посторонней дѣвицы керосиномъ... Съ этой точки зрѣнія этотъ документъ приобретаетъ несомнѣнную историческую цѣнность.

* * *

Разучились мы не только говорить, но и писать красиво... И только вдругъ изъ провинціи раздается настоящее тургеневское слово...

„Голосъ Своб. Железнодорожника“ (№ 2) объ одномъ делегатѣ пишетъ такимъ стилемъ:

Само собою разумѣется, что делегируемый нами товарищъ долженъ представлять собою строго продуманный умъ тѣхъ узоровъ, которые разошьетъ делегатскій Свѣздъ нашей дороги на конвѣ данной намъ первой Всероссийской железнодорожной Конференціей въ Петроградѣ въ апрѣль с. г. и являться сознательнымъ защитникомъ всѣхъ тѣхъ предначертаній, которыя выльются въ этихъ рисункахъ.

Если бы такимъ стилемъ владѣлъ Гомеръ — давно бы уже сидѣлъ старикъ въ районной думѣ за умѣнье говорить увлекательно...

Чердакъ. — Пострѣливаетъ.

Демократическіе серхи. — Всѣ въ очередь.

Внѣклассовая интеллигенція. — Иллюзія обѣда.

Буржуазный бельэтажъ. — Тоска о прошломъ.

Контръ-революціонный подвалъ. — Попечатываютъ.

«День» газета солидная и ея ближайшій сотрудникъ П. Юшкевичъ тоже человѣкъ уважаемый и солидный. Но не менѣ цѣнимъ мы и Грибоѣдова. Въ области этой оцѣнки наши мнѣнія, очевидно, расходятся, потому что въ № 103, П. Юшкевичъ утверждаетъ:

Человѣчество неоднократно попадало въ положеніе Фамусова, который „шелъ въ комнату, попалъ въ другую“.

Не споримъ насчетъ человѣчества — это его дѣло, но вотъ насчетъ Фамусова — не стоитъ обижать старика... Врядъ ли и онъ самъ захочетъ приписать себѣ то, что сдѣлалъ Молчалинъ...

Журналъ „Борисоглѣбское Жало“ — единственный изъ русскихъ журналовъ наконецъ-то нашель тотъ настоящій тонъ для экспромтовъ и сатиры, который невольно подкупаетъ сердца читателей, безъ различія ихъ социальнаго положенія и создаетъ редактору репутацію тонкаго остряка и удивительнаго стилиста

1-му Товарищ-ву Электр. Осв.

*Вы мигалки содержатели
Кулаки, шкуродиратели
Изъ-за свѣта экономіи
Биты будете по физиономіи.*

или:

*Какому-то Гинали.
О ты „защитникъ“
Съ ушами длинными
Не изводи читателей
Замѣтками ослиными.*

Легкій экспромптъ:

*Услыши мя, Боже великій и добрый
Ты гласу и стону внемли
Этихъ ословъ изъ газеты глупѣйшей
Хоть къ чертовой мамѣ возьми.*

Еще большее удивленіе и искреннее восхищеніе въ насъ вызвалъ журналъ однимъ остроумнымъ элегантнымъ трюкомъ: перепечатавъ кое-что изъ „Сатирикона“ и выдалъ за свое. „У многихъ это вызываетъ чувство искренней радости и неподдѣльнаго веселья“ — какъ пишутъ въ кинематографическихъ программахъ.

ДРЕВЛЯНСКАЯ ЧЕСТЬ.

Лѣсная земля русская!
 Просѣки,
 Выюны дороги,
 Испить просить
 На береговомъ спускѣ
 Вербы.
 Въ чащахъ путаетъ роги
 Мѣсяць ущербный —
 Лѣсная земля русская!
 Мужицкая полевая рать,
 Съ душистымъ клеверомъ
 Въ космахъ бородь.
 Мужицкая полевая рать,
 Знающая науку дѣдову:
 Между омутовъ нащупать бродь,
 Лыки драть,
 Конюкрада сыскать по слѣду.
 Полевая рать,
 Припавшая къ сохѣ,
 Вросшая по поясъ
 Въ землю,
 На горбахъ непокорныхъ полось
 Распѣвающихъ пѣсни
 Душевному голосомъ,
 Широко-больныя такія,
 Грустныя —
 Лѣсная земля русская!
 Шинки-кабаки,
 Крестные ходы въ засуху,
 Иконы
 Чудотворныя.
 Въ богомольныхъ слезахъ,
 Покаянные стоны,

Проповѣди нагорныя
 Станныхъ людей,
 Съ вечернихъ полей
 Цвѣточный смородь,
 Мужицкая полевая Русь!
 Пускай озоруетъ городъ, —
 Пусть
 Мѣдной тучей
 Двигается Батый, —
 Уже надъ лѣсами гудятъ набаты,
 Надъ Русью, смутой взмученной,
 Древлянская лѣсная честь
 Грозно выросла.
 Набаты, развѣйте вѣсть!
 Наполните клиросъ,
 Зовите Божью мечь,
 Пѣвчіе.
 Протопопы, молитесь крѣпче
 За древлянскую честь!

Валентинъ Горянскій.

ПЛЕМЯННИКЪ ДІОГЕНА.

Произошло все это весьма сверхъ-естественно и необычайно.

Изъ простѣнка, образуемаго двумя книжными полками, развязно выползъ призракъ, опрокинулъ лампу, бросилъ случайно лежавшій на краю стола увѣсистый томъ энциклопедического словаря и, насвистывая модную пѣсенку «о трехъ козлахъ», нахально бросился въ кресло. Держалъ онъ себя крайне вызывающе.

— Чай есть?.. Папиросы! Впрочемъ, лучше сигары. Нѣтъ сигаръ? Ну, чортъ съ вами, — давайте папиросы...

Я деликатно придвинулъ призраку портсигаръ, и пока

У Ж А С Ъ Р Е В О Л Ю Ц И И.

Рис. А. Радакова.

— А почему вы не поѣхали на югъ?

— Да изъ-за аграрныхъ безпорядковъ: хотѣла продать свою землю, а она оказалась четыре раза заложеной.

это наглое существо закуривало, попробовалъ освѣд- миться о цѣли его внезапнаго визита.

— Товарищъ призракъ, — началъ я, — что вамъ, соб- ственно угодно? Вѣдь, по всей вѣроятности, вамъ не безъ- извѣстно, что революція не упразднила института младшихъ и старшихъ дворниковъ, и вашъ захватъ можетъ быть не- медленно ликвидированъ...

Призракъ уныло сосалъ папироску; его смущеніе прида- ло мнѣ храбрость.

— Слушайте, вы, призракъ! — храбро гремѣлъ я, — здѣсь вамъ не дача Дурново. Знаю я вашего брата призрака! Каналья! Нѣтъ на васъ хорошаго Половцева...

Призракъ мягко сказалъ:

— Не сердитесь, господинъ. Я человѣкъ трезвый, скром- ный...

— Ступайте вонъ!

— Выслушайте меня! Я страдаю...

— Страдайте, — безразлично уронилъ я.

— Я страдаю. Въ Россіи творится неладное. Ужасъ! Вѣдь мы, призраки, газеты все-таки почитываемъ, — все знаемъ. Плохо у васъ. Нехорошо. Безобразіе.

— И для этого вы явились ко мнѣ?

— Отчасти. Видите ли, — инициативная группа органи- заціоннаго комитета призраковъ поручила мнѣ явиться въ Петроградъ и съ помощью какого-либо почтеннаго граждани- на обойти городъ, а главное найти настоящаго революціон- наго человѣка, понимающаго трагизмъ современнаго поло- женія, понимающаго ужасъ происходящаго и искренно же- лающаго помочь отечеству. Я хочу найти революціоннаго че- ловѣка...

— Позвольте, позвольте! Откуда это у васъ?.. Скажи- те, пожалуйста, а вы случайно ничего общаго не имѣете со старикомъ Діогеномъ?

— Это мой дядя...

— Такъ, такъ... Какъ же, какъ же... лично не имѣлъ удовольствія знать вашего дядюшку, но кое-что читалъ о немъ. А скажите, пожалуйста, вотъ эта самая комбина- ція съ отысканіемъ человѣка, это у васъ какъ, фамиль- ное?

— Да. Профессія часто передается по наслѣдству.

Наступило неловкое молчаніе.

— Ну такъ что же? Ыдемъ? — предложилъ я призра- ку.

Онъ торопливо докурить папиросу, нагло бросилъ го- рящій окурокъ въ стаканъ чаю, увѣренно плюнулъ въ са- харницу, и мы вышли на улицу. На углу толпа внимательно слушала какого-то оратора.

— Вотъ! Вотъ! — заволновался призракъ. — По всей вѣроятности это и есть тотъ человѣкъ, котораго я ищу.

— Товарищи! — надрывался ораторъ, — классовое са- мосознаніе является коэффиціентомъ индустриальной диф- ференціаціи нашего времени. Процессъ пауперизаціи...

Племянникъ Діогена дернулъ плечами, и мы поспѣшили выбраться изъ толпы.

— Ну, что? — спросилъ я. — Нашли?

— Кой чортъ! Вы поймите только — я ищу револю- ціоннаго человѣка...

Призракъ нервно зашагалъ по тротуару.

— Вотъ онъ! — взревѣлъ племянникъ Діогена, — вотъ этотъ прекрасный воинъ, храбрый гоплитъ, о которомъ еще Гомеръ сказалъ, что «врагъ бѣжитъ отъ одного его взгля- да».

На перекресткѣ двухъ улицъ, дѣйствительно, стоялъ воинъ, продававшій папиросы, и громко выкрикивалъ:

— Эй вы, господа петроградскіе, купите папиросы». «Ка- зацкія», — 25 штукъ 50 копеекъ!

Племянникъ Діогена печально развелъ руками.

Мы шли все дальше и дальше, а призракъ, не теряя на- дежды отыскать настоящаго революціоннаго человѣка, вы- нулъ фонарь.

— Бросьте, — сказалъ ему я, — неудобно. Еще подумаютъ, что вы футуристъ.

— Какъ хотите... Вы лучше знаете мѣстные обы- чай...

Мы натолкнулись на небольшую кучку людей, таин- ственно шептавшихся другъ съ другомъ. Племянникъ Діогена насторожился.

Плотный мужчина съ подвязанной щекой хрипло шеп- талъ:

— Всюду жида! Въ Исполнительномъ Комитетѣ жида. Во Временномъ Правительствѣ жида. Всюду они... Вы ду-

маете генералъ Брусиловъ русскій? Это — псевдонимъ. Его настоящая фамилія Идельсонъ. Корниловъ? То же самое: онъ не Корниловъ, а Гринбергъ. Не вѣрьте! Одинъ нашъ царь- батюшка...

Мы ускорили шаги.

— Мужчина, — подошла къ племяннику Діогена женщи- на, имѣющая своей цѣлью возбужденіе одной части населе- нія противъ другой, — угостите папироской.

Призракъ брезгливо отвернулся. Мы ускорили шаги, а женщина закричала намъ вдогонку:

— Пушкарі!.. Буржуи!..

Призракъ уныло плелся, впиваясь въ прохожихъ жад- ными ищущими глазами. Мы встрѣчали людей, торговавшихъ сардинками и рѣчами Керенскаго, продававшихъ «Холодность женщинъ и практическіе способы борьбы съ нею», раздававшихъ повѣстки на митинги «Платоновскій коммунизмъ и обязательное страхованіе рабочихъ». Племянникъ Діогена по- прежнему не находилъ революціоннаго человѣка.

— Знаете, старикъ, — предложилъ ему я. — станьте на углу, обратитесь съ рѣчью къ прохожимъ. Можетъ быть, найдете.

Призракъ вскочилъ на тумбу, и закричалъ:

— Граждане! Придите ко мнѣ! Я ищу настоящаго ре- волюціоннаго человѣка!

Насъ окружила многолюдная толпа. Немедленно образо- вался президіумъ изъ представителей отдѣльныхъ партій. Предсѣдателемъ былъ избранъ молодой человѣкъ, отреко- мендовавшій себя старымъ народовольцемъ, принимавшимъ участіе въ убійствѣ Александра II на Екатерининскомъ кан- алѣ. Товарищемъ предсѣдателя была избрана акушерка, об- ратившаяся къ присутствующимъ съ трогательной рѣчью:

— Товарищи! Я смѣло могу сказать, что я ветеранъ русскаго освободительнаго движенія. Я работала съ Песте- лемъ, Бестужевымъ и Рылѣвымъ, а Волконскій и Трубецкой не разъ предлагали мнѣ гектографъ.

Когда президіумъ окончательно сформировался, племян- никъ Діогена въ краткой рѣчи изложилъ свои намѣренія, цѣль своего визита и попросилъ немедленно указать ему на- стоящаго революціоннаго человѣка. Но президіумъ лишилъ его слова, толпа вотировала довѣріе, со всѣхъ сторонъ разда- лись крики — «буржуй», «наемникъ англо-французскаго ка- питала», «переодѣтый Милуковъ», а наиболѣе темперамент- ные слушатели предложили просто оторвать ему голову.

Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось вырвать племянника Діогена изъ рукъ разъяренной толпы.

— Ну что, старый драбантъ, — иронически сказалъ я ему, — люди не поняли васъ?

— Другъ мой, — скорбно отвѣтилъ призракъ, — мой великій дядя попалъ однажды въ точно такую же передрыгу. Но онъ былъ умнѣе меня. Какъ-то на площади онъ сталъ звать людей. А когда граждане подбѣжали къ нему, дядюшка сухо сказалъ: «Я звалъ людей, а не васъ...»

— Ну, вы слишкомъ преувеличиваете. Вы просто-на- просто испуганный интеллигентъ, неразбирающійся въ со- ціальной мотиваціи нашихъ собраній...

Призракъ холодно пожалъ мнѣ руку и повернулся на каблукахъ.

Бор. Мирскій.

КАРАУЛЪ.

Прибѣгаю къ спасательной гласности:

Государство — въ опасности!!

Всѣ, кто чтитъ языка чистоту,

И кому его прошлое дорого, —

Защищайте Оиту

Отъ подкоповъ нещаднаго врага!

Прочь яремъ

Министерства, не въ мѣру жестокаго,

Всѣ умремъ

За любимое чадо Востокова!

Какъ дитя безъ кормилицы

Погибаетъ, какъ муха осенняя,

Такъ и мы безъ кириллицы

Не осилимъ грозы потрясенія!

Товарищи,

На погибшаго строя пожарищѣ,

Гдѣ надъ грудицей лѣпится грудица

Алтарей упраздненныхъ обломковъ,

Возрождается новое чудище —
 Деспотія потемковъ!
 Выходи на улицу всякъ,
 Дѣла приканчивай;
 Подымай возстанія стягъ
 Противъ реформы обманчивой!
 Кто за Оиту? —
 Доставай котелокъ и надѣнь его!
 За чистоту
 Языка Пушкина и Тургенева!
 Всѣ, кто чтить языка красоту
 И кому его прошлое дорого, —
 Защищайте Оиту
 Отъ нападковъ нещаднаго врага!!

В. Кн.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукопись не возвращается по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимает на себя обязательства давать письменные отвѣты на вопросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, менѣе печатнаго листа уничтожаются.)

Д. Армія.

Пій. — Не подошло.

Въ пространство. В. Посудину, Дидель, Зыкову, Никъ, Богемцу. — Не подошло.

Редакторы: **Арк. Буховъ.**
А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконтъ“.
 Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

Вышло въ свѣтъ
 четырнадцатое изданіе

КНИГИ

Аркадія Аверченко.

„ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ“.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

Арк. Бухова

„ТИХІЯ НЕПРІЯТНОСТИ“.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ:

„ДѢЯТЕЛИ СВОБОДНОЙ РОССІИ“

М. В. Родзянко;	Г. В. Плехановъ;
кн. Г. Е. Львовъ;	Е. К. Врешко-Врешковская;
И. С. Чхеидзе;	И. Г. Церетелли;
А. Ф. Керенскій;	Н. В. Некрасовъ.

Портреты исполнены художникомъ А. Смоликовымъ изъ текста лучшихъ рѣчей каждаго дѣятеля.

Форматъ 40×30 сантиметровъ.

Цѣна каждаго 50 коп.

Портреты отпечатаны на плотной альбомной бумагѣ.

Заказы адресовать: Фотоциногр. Эд. Эд. Новицкаго, П-дъ, Казанская, 6.
 Оптовымъ покупателямъ скидка.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Театральная библіотека „Новаго Сатириконтана“.

Аркадій Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 3-й. Чортова дюжина.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 5-й. Безъ суфлера.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

Томъ 1-й. 8 миниатюръ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миниатюры.

Цѣна 2 рубля.

Дешевая юмористическая библіотека „Новаго Сатириконтана“.

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 —

Аркадій Аверченко

№ 13 — Тэффи.

№ 14 — Г. Ландау.

№ 15 — Аркадій Аверченко.

№ 16 — О. Л. Д'Орь.

Спеціальные выпуски Дешевой библіотеки.

Аркадій Аверченко.

О нѣмцахъ и о прочемъ... такомъ.

Пять чемодановъ.

Записки театральной крысы.

Человѣки.

Позолоченныя пилюли.

Вл. Азовъ.

Шипы безъ розъ.

Тэффи.

Зарево жизни.

Житье-бытье.

О. Л. Д'Орь.

Проклятiе начавшимъ.

Аркадій Буховъ.

Гочка зрѣнія.

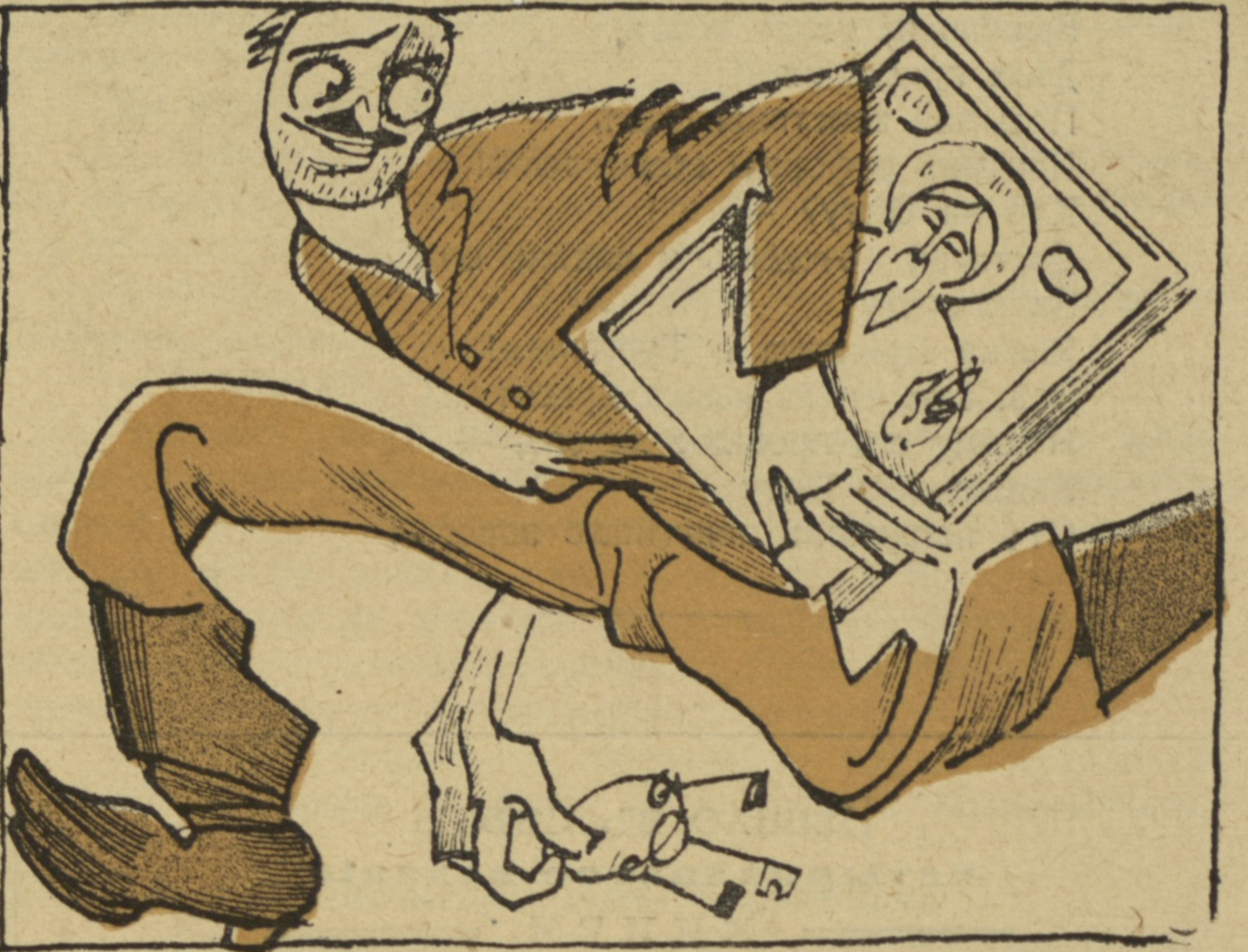
Цѣна каждаго выпуска — 20 коп. — Книготорговцамъ — скидка обычная.

Н А М Ъ П И Ш У Т Ъ:

Рис. А. Гадакова.

Народъ богоносець въ 1914 г.

Народъ богоносець въ 1917 г.

Солдатиць 1914 г.

Солдатиць 1917 г.

Пролетарій 1914 г.

Пролетарій 1917 г.